

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГРЕХ»
В КАРТИНЕ МИРА ПЕРСОНАЖА**
(на примере старца Зосимы и Федора Павловича Карамазова)

Специфика художественного произведения как объекта концептуального анализа заключается в наличии в рамках такого текста нескольких субъектов, каждый из которых по воле автора наделен своими мыслями, чувствами, сознанием, социальным положением и, соответственно, имеет собственную индивидуальную картину мира. Поэтому можно сказать, что мир текста, создаваемый воображением писателя, распадается на отдельные, в определенной степени автономные, миры – текстовые субъектные сферы – и предстает как сложно координированная система субъектных сфер [Чурилина 2002: 19].

Материалом исследования послужил роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Самостоятельность голоса персонажа и независимость «правды героя» по отношению к «правде автора» в его романах, отмеченные еще М.М. Бахтиным, позволяют рассматривать индивидуальные картины мира персонажей, репрезентированные в рамках текста, как вполне самостоятельные.

Для анализа были выбраны языковые личности «старец Зосима» и «Федор Павлович Карамазов». Если мы обратимся к тексту романа, то вспомним, что все персонажи условно могут быть разделены на два противостоящих друг другу идеологических лагеря. На уровне пространства это противостояние поддерживается наличием двух полярных центров: монастыря и дома Федора Павловича. А идейными центрами этих полюсов являются как раз вышеуказанные персонажи.

В текстах, создаваемых старцем Зосимой и Федором Павловичем, концепт «грех» эксплицирован в виде нескольких ассоциативно-семантических микрополей. Упорядоченность элементов в каждом микрополе зависит от мировосприятия создателя текста, в данном случае персонажа.

В текстах языковой личности «старец Зосима» концепт «грех» формируют следующие микрополя: «Причины греха», «Порок», «Вина», «Отношение к греху», «Отношение к грешнику» и «Последствия греха».

В своих рассуждениях о причинах греха старец (как и Иван Карамазов в тексте всего романа) исходит из представления о несовершенстве человеческой природы, склонной к греху и неспособной ему противостоять:

Но спасет Бог Россию, ибо хоть и развратен простолюдин и не может уже отказаться себе во смрадном грехе, но все же знает, что проклят Богом его смрадный грех, и что поступает он худо, греша.

В микрополе «Причины греха» входят единицы, объединенные семей 'дурной пример':

1) *Душиная палата, стучащая машина, весь божий день работы, развратные слова и вино, вино, а то ли надо душе такого малого еще дитяти?*

2) *Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злойный со скверным словом, с гневливою душой; ты и не заметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащитном сердечке остался. Ты и не знал сего, а может быть ты уже тем в него семя бросил дурное, и возрастет оно пожалуй, а все потому, что ты не уберечься пред дитятей, потому что любви осмотрительной, деятельной не воспитал в себе.*

В микрополе «Порок» были отнесены разнообразные греховные дела. Всего старцем упомянуто 39 пороков. Они выражены именами, обозначающими качества, действия (*порок, скотство, грубые сладости, страсть, соблазн, ссора, себялюбие, позор, глупость, скверные слова, лень, сатанинская гордость, корыстолюбие, растление, пьянство, жестокость, колдовство, истязание, негодование, отомщение, уныние, гнев, нечестие, злодейство*), носителей пороков (*убийцы, разбойники*), названиями качеств (*развратный, злойный, неприглядный, нечестивый, дурной, брезгливый*) и глаголами (*предаваться страстям, развлечь себя, озлиться, согрешить, обесчестить, нагрешить, возроптать*).

Грех выступает как каузатор определенного эмоционального состояния. Микрополе «Отношение к греху» наполняется именами эмоций, объединенных семей 'страх' (*греха своего не бойтесь; ничего не бойся, и никогда не бойся [из контекста ясно, что речь идет о грехе]; о покаянии лишь заботься, непрестанном, а боязнь отгони вовсе; не бойтесь греха людей). Старец проповедует отсутствие страха по отношению к греху.*

Средства экспликации микрополя «Вина», выявленные в результате анализа, выражают важную для старца мысль о всеобщем характере греха, каждый на земле виноват за все мировые грехи: *возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской; воистину всякий пред всеми за всех и за все виноват; каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле; пред всеми людьми за всех и за вся виноват, за все грехи людские, мировые и одиночные. Если же злодейство людей возмутит тебя негодованием и скорбью уже неодолимую, даже до желанья отомщения злодеям, то более всего страишься сего чувства; тогда же иди и ищи себе мук так, как бы сам был виновен в сем злодействе людей. Прими сии муки и вытерпи, и утолитя сердце твое, и поймешь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как единый безгрешный и не светил.*

Элементы микрополя «Отношение к грешнику» обозначают чувства, распределенные по двум текстовым лексико-тематическим группам (ТЛПГ):

1) лексические единицы, объединенные семей 'любовь' (*любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле; веруй, что бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том, хотя бы со грехом твоим и во грехе твоём любит; да и совершить не может, совсем, такого греха великого человек, который бы источил бесконечную божью любовь*). Грех в понимании старца Зосимы не является препятствием для любви, что подтверждается текстом романа: «Монахи про него говорили, что он именно привязывается душой к тому, кто грешнее, и кто всех более грешен, того он всех более и возлюбит»;

2) лексические единицы, объединенные семей 'терпимость' (*не сердись, прости, примиришь*).

Самое большое и важное микрополе составляют «Последствия греха». По Зосиме, грех, являющийся лишь слабостью человеческой природы, не может стать причиной серьезного наказания. Бог прощает человека, если он раскаялся в своем грехе. Именно благодаря тому, что Бог прощает любой грех, совершенный человеком, грех и не должен вызывать страх. Это микрополе составляют три ТЛТГ: 1) лексические единицы, объединенные семей 'прощение' (*простить; прощения просить; грех твой отпустили тебе; пусть я грешен пред всеми, да за то и меня все простят, вот и рай; да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил Господь воистину кающемуся*); 2) лексические единицы, объединенные семей 'спасение' (*Поминайте их на молитве тако: спаси всех, Господи, за кого некому помолиться, спаси и тех, кто не хочет тебе молиться; слезами своими мировые грехи омыть; и будут горькие слезы твои лишь слезами тихого умиления и сердечного очищения, от грехов спасающего*); и 3) лексические единицы, объединенные семей 'покаяние' (*лишь бы покаяние было, всяк себе исповедайся неустанно; об одном кающемся больше радости в небе, чем о десяти праведных; о покаянии лишь заботься, непрестанном*). Очень важно, чтобы и прощение и покаяние было искренним, идущим от сердца (*в сердце все прости; примиришь с ним воистину; сделаешь себя за все и за всех от ветчиком искренно*).

В текстах, создаваемых языковой личностью «Федор Павлович Карамазов» концепт «грех» формируют следующие ассоциативно-семантические микрополя: «Порок», «Отношение к греху», «Театр» и «Последствия греха».

В микрополе «Порок» входят 48 греховных дел, которые также могут быть разделены на имена, выражающие действия или качества (*забубенное пьянство, оргии, беспутство, скверна, разврат, развратный вертеп, наслаждение, сладострастие, обольщение, влечение, заискивание, гнев и др.*), субъектов греха (*порочный любитель лишь грубой женской красоты, потаскун, бессемейник, безобразницы, злое насекомое, срамник, бесстыдник, ростовщик, циник, лгун, приживальщик, плут, сладострастник и др.*), атрибутивные характеристики грешника (*развратнейший, жестокий, разнузданный, насмешливый, льстивый, глуп, дрянной, развратный, бестолковый, порочный, сладострастнейший и др.*) и глаголы с соответствующей семантикой (*пить, кощунствовать, попрасть приличия, прильнуть к юбке, безобразничать*).

Единицы микрополя «Театр» (*актер, шут, проактерствовавший, зарисоваться, антракты, разыгрывать роль, прикрасы, расписывать, комиче-*

ское положение, комедиант) вводятся в текст, чтобы показать лживость как одну из важнейших характеристик Федора Павловича. Он человек «лгущий самому себе», «старый лгун, всю жизнь свою проактерствовавший». Наигранность чувств, ставшая сущностью характера, мешает ему быть искренним даже перед самим собой. Поэтому он не может «воистину», как проповедует старец Зосима, раскаяться в своих грехах. Понимая свою невозможность быть искренним, он просит молиться за него Алешу, но из его слов понятно, что в прощение грехов он не верит.

Микрополе «Отношение к греху» также наполняется единицами, объединенными семей 'страх', но общее значение противопоставлено одноименному микрополю в картине мира старца Зосимы: грех в понимании Федора Павловича вызывает страх (*Федор Павлович вдруг ощутил в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение: «Душа у меня точно в горле трепещется в эти разы», – говорил он иногда; грешков боитесь*). Такое отношение к греху напрямую связано с представлениями Федора Павловича о последствиях совершения греха. Одноименные микрополе составляют единицы с общей семей 'наказание' (*за это тебя прямо в ад и там как баранину поджаривать станут; анафема проклят; тебя за эту анафему по головке в аду не погладят; невозможно же, думаю, чтобы черти меня крючками позабыли стащить к себе, когда я помру*). Поэтому данное микрополе также противопоставлено соответствующему микрополю в картине мира старца Зосимы: прощение, спасение и покаяние не эксплицированы.

Итак, в структуре концепта «грех» в индивидуальной картине мира старца Зосимы выделено шесть микрополей. Лексические единицы, составляющие каждое из этих микрополей, выполняют в тексте функцию средств экспликации одной из граней концепта как сложной и неоднозначной сущности. Важной для данного персонажа является мысль о сверхиндивидуальном характере греха: человек слишком слаб перед грехом в силу своей природы, поэтому и вина за него лежит на всех. Но и эта вина не является препятствием для Божьей любви, Бог прощает все грехи при условии искреннего покаяния. Поскольку даже Бог не осуждает никого за грехи, то и люди должны стремиться терпимо относиться к грешнику, любить его и «во грехе», а сам грех не должен вызывать страх в человеке.

В индивидуальной картине мира Федора Павловича Карамазова грех, наоборот, выступает как угрожающая сила, вызывающая страх и последующее наказание. Осознавая греховность своей жизни, он, тем не менее, к искреннему покаянию просто не способен: он «сын лжи», «проактерствовавший» всю жизнь.

Таким образом, в рамках одного романа Достоевский создает вполне самостоятельные картины мира, связанные с персонажами. На примере старца Зосимы и Федора Павловича выявляются два различных концепта «грех», отдельные микрополя которых четко противопоставлены друг другу. Важнейшими смысловыми центрами в этих двух концептах являются ТЛТГ «Прощение» с одной стороны и «Наказание» – с другой. Можно утверждать, что противопоставленность этих групп архетипически восходит к различиям концептов «грех» в Новом и Ветхом Завете. Ведь именно в Новом Завете

вместо Бога карающего появляется образ Бога милостивого, прощающего [Панова 2000: 170].

ЛИТЕРАТУРА

Панова Л.Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.

Чурилина Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры. Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2002.

Ю.В. Щурина

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ ПРАГМАТИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ В РОССИЙСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

Социальные изменения, произошедшие за два последних десятилетия в России, привели к коренному преобразованию отношений в нашем обществе. Своего рода неосознанным отражением нового состояния страны стали и изменения в русской речи и, в частности, активизация целого ряда моделей метафорического представления современной действительности.

Причиной необычайной продуктивности метафорических номинаций в речи является сочетание в их структурной организации нескольких функций. Наряду с информативной функцией, метафора обладает широким спектром прагматических возможностей: эстетических, оценочных, стилистических и экспрессивных. Способность к акцентированию является особенно важным фактором в условиях письменной речи, не обладающей эмоционально-прагматическими возможностями экстралингвистических средств.

Обилие метафор давно стало отличительной чертой российского публицистического дискурса. Это связано, в первую очередь, с моделирующей функцией метафоры, которая способна изменить видение мира «адресата», способ восприятия им окружающей действительности [Рикер 1990: 425]. По большому счету, речь идет о специфическом виде речевого воздействия, имеющем целью внедрение в сознание под видом объективной информации неявного, но желательного для тех или иных групп (политических, социальных) содержания таким образом, чтобы у реципиента формировалось на основе данного содержания мнение, максимально близкое к требуемому.

Активизация целого ряда метафорических моделей в современных журналистских текстах во многом объясняется стремлением автора воздействовать на эмоциональную сферу реципиента, так как опыт показывает, что эмоциональное превалирует над рациональным у большинства потенциальных реципиентов.

Кроме того, система метафорических моделей в дискурсе СМИ служит своеобразным индикатором состояния общественного сознания, в ней отражается мировидение действительности участниками коммуникации.